

Администрация города Вологды
Вологодский государственный университет
Вологодская областная универсальная библиотека

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 1

K 1475139

Вологда
2016

ОБРАЗЫ ПОЭТОВ-СОВРЕМЕННИКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. КЛЮЕВА

Н. А. Клюев имел широкий круг знакомств в литературном мире, однако всегда был в этом мире одинок и часто не понят, или, как сам писал об этом, «греховным миром не разгадан» [9, с. 3-53]. Именно поэтому особенно ценны для нас наблюдения и оценки поэтом своих собратьев по перу, которые постоянно встречаются в его стихотворениях. Клюев посвящает им свои произведения, в которых вступает в поэтический диалог с ними. В некоторых своих стихотворениях он как бы оглядывается на них, ища у них дружеской поддержки, или вступая с ними в спор. Эта пушкинская черта его поэзии очень примечательна.

Обратимся к образам поэтов-современников, которые запечатлел в своем творчестве Н. А. Клюев. В зависимости от того, какое поэтическое

направление они представляли и как поэт относился к ним, их можно объединить в следующие группы: 1) поэты «серебряного века» А. А. Блок, А. А. Ахматова, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, О. Э. Мандельштам, Б. О. Пастернак; 2) новокрестьянские поэты С. А. Есенин, П. Н. Васильев, С. А. Клычков; 3) пролетарские поэты В. Т. Кириллов, А. К. Гастев; 4) поэты новой советской формации: В. В. Маяковский, А. А. Прокофьев, Н. С. Тихонов, А. И. Безыменский, В. А. Рождественский, Д. Бедный, А. Б. Мариенгоф; 5) иностранные поэты П. Верлен, Э. Верхарн, К. Гамсун, Г. Лонгфелло.

В данной статье рассматриваются поэтические образы только некоторых поэтов-современников.

1. Клюев о поэтах Серебряного века

А. Блок

В молодости Клюев в своем поэтическом творчестве жадно впитывал образы и мотивы поэзии Блока, но не растворялся в них, упорно ведя свою поэтическую партию, не теряя своего поэтического голоса. Известно, что они переписывались, а затем встречались в 1908–1911 годах. И эта встреча двух гениев русской словесности была значительным событием в их духовной биографии. Как отмечает К. М. Азадовский, «личность Клюева и переписка с ним наложили, бесспорно, свой отпечаток на образ России, каким он предстает в стихах и статьях поэта» [2, с. 31].

Оставляя в стороне сложные отношения этих поэтов, о которых написано достаточно много, обратимся к блоковским образам в поэзии Клюева. Он посвятил Блоку три стихотворения. В стихотворении «Пловец» (1908 год), используя библейские мотивы, он следует русской традиции и говорит о пророческом служении поэта.

*В страну пророков и царей
Я челн измученный направил
И на безбрежности морей
Творца Всевидящего славил.
Рукою благодной Господь
Развевя сумрак непогодный*

*И дал мне светлую милоть
И пояс, радуге подобный.
Молниевиден стал мой лик
И ясновидяц взор туманный,
Прозрев за далью материк
Земли, пловцу обетованной...*

Поэтический мотив беззащитности пророка развивается во второй части этого стихотворения:

*Но сон угас, как зори мая,
Наводным холодом дыша.
И с той поры о дивном крае
Томится падшая душа.
Ей снятся солнечные стены
Нерукотворных городов,*

*И в ледяном мерцанье пены
Сиянье чудится венцов.
Как будто в сумраке далече,
За гранью стынувшей зари,
Пловцу отважному навстречу
Идут пророки и цари.*

Э. Б. Мекш, известный исследователь творчества Н. А. Клюева, считает, что в этом стихотворении «отражается сюжетная модель стихотворения» Н. М. Языкова «Пловец» («Нелюдимо наше море...»), ставшего популярной песней [14, с. 53-166]. К. М. Азадовский пишет о том, что образы корабля, челна и моря появились у Клюева в «блоковский период» под влиянием сборника Блока «Нечаянная радость» [2, с. 17]. На наш взгляд, оба литературоведа отметили внешние предпосылки для появления этого стихотворения и сходства его образов с образами Языкова и Блока. Однако существует и внутренняя предпосылка – приверженность Клюева к поэтике библейских символов и мотивов, которые и послужили общим источником для стихотворений этих трех поэтов. И. Кудряшов обратил внимание на то, что наиболее близки образы этого стихотворения к содержанию 106 псалма, стих 28-32 [13]: «*Но воззвали они к Господу в скорби своей, и от бед избавил Он их; И повелел буре, и настала тишина, и умолкли волны морские. И возрадовались они, что утих ветер, и направил Он их в пристань желанную, Да прославят Господа за милости Его и чудеса Его, явленные сынам человеческим! Да превозносят Его в собрании народа и в сонме старцев да восхвалят Его!*» [5, с. 803]. Этот же мотив плывцов, терпящих бедствие в морской стихии и спасенных по молитвам их к Богу, находим в других частях Библии: в Книге пророка Ионы [5, с. 1336-1338] и в Откровении Иоанна Богослова 7,1-8 [5., с. 1827].

Два других стихотворения, посвященные Блоку, написаны в 1910 году. В первом из них «*Верить ли песням твоим ...*» продолжается тема пророческого служения поэта. Клюев обращается к Блоку и его стихи называет «птицами морского рассвета», которые поют свои песни в глухом тумане повседневности. Здесь, видимо, содержится намек на стихотворение Блока «Гамаюн, птица вещая», посвященное картине В. Васнецова: «*На гладях бесконечных вод, / Закатом в пурпур облеченных, / Она вещает и поет, / Не в силах крыл поднять смятенных ...*». Далее, в своем стихотворении Клюев говорится об одиночестве поэтов в холодном мире: «*Вышли из хижины мы, / Смотрим в морозные дали: / Духи метели и тьмы/ Взморье снегами сковали.* Но поэт верит, что они (Блок и Клюев) познают духовную радость: «*Радость незримо придет, / И над вечерними нами / Тонкой рукою зажжет / Зорь некатное пламя.*» «*Зорь некатное пламя*» – это поэтическая перифраза Света Невечернего, которая в христианских молитвах обозначает благодать Иисуса Христа.

Третье стихотворение блоковского цикла посвящено поэтическому размышлению о тайне России, которая для Клюева и есть та непостижимая «прекрасная дама», о которой грезил Блок:

*Я болен сладостным недугом –
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось небо надо мной.*

*Она везде, неуловима,
Трепетет, дышит и живет:
В рыбачьей песне, в свитках дыма,
В жуужжанье ос и блеске вод.*

*В шуршанье трав – ее походка,
В нагорном эхо – всплески рук,
И казематная решетка –
Лишь символ смерти и разлук.
Ее ли косы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...*

*О, кто Ты: Женщина? Россия?
В годину черную собрат!
Поведай тайное сомненья
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?*

В первой части стихотворения слышен явственно блоковский мотив тоски, о которой сам Блок в статье «Народ и интеллигенция» писал, исповедуясь: «...во мне самом нет ничего, что любил бы я больше, чем свою влюбленность индивидуалиста и свою тоску, которая, как тень, всегда и неотступно следует за такою влюбленностью ...» [6, с. 327]. Затем Клюев вплетает в этот мотив тоски свое ее понимание: тоска его лирического героя – стремление постигнуть духовную тайну России («*Чтоб на единое мгновение / Твой лик прекрасный уловить*»).

А. А. Ахматова

С Анной Ахматовой Клюев был также лично знаком. Как известно, после первой встречи поэтесса сказала о нем: «Таинственный деревенский Клюев». Как справедливо отмечает П. Поберезкина, «эпитет «таинственный» для Ахматовой является знаком настоящего Поэта и потому скорее связан с ее высокой оценкой клюевского творчества, чем с неспособностью понять Клюева, как полагает К. М. Азадовский [1, с. 66-70] [18, с. 151]».

Клюев посвятил Ахматовой четыре стихотворения [12, с. 64-65], известно одно из них – «Мне сказали, что ты умерла...» (1911 г.). Однако много позже, в 1964 году, поэтесса скептически отмечает: «*Это, конечно, не мне и не тогда написано. Но я уверена, что у него была мысль сделать из меня небесную градоправительницу, как он сделал Блока нареченным Руси*» [12, с. 65].

Как свидетельствуют мемуары, Клюев назвал Ахматову «китежанкой»: «Николай Клюев был ловец душ. Он каждому хотел подсказать его призвание. Блоку объяснял, что Россия его «Жена». Меня назвал «Китежанкой» [7, с. 411]. Предсказание поэта свершилось, и в 30 – 40-х годах Ахматова именно так себя чувствовала [18, с. 148- 150]. П. Поберезкина отмечает: «Оставшись после гибели современников последней «китежанкой» и предчувствуя в 1940 году близость «последних сроков», она создает поэму «Путем вся земля», пронизанную клюевскими реминисценциями» [18, с. 149].

Имя Ахматовой упоминается в стихотворении «Клеветникам искусства», посвященном своеобразному критическому обзору современной поэзии. Стихотворение строится на противопоставлении, с одной стороны, истинных поэтов, своими произведениями обогативших русское искусство, и, с другой стороны, окололитературной саранчи, которую поэт называет *нетопырями, гнусавыми воронами*, а их критику – *граем вороньим, черным*

смехом. Их писания, по мнению Клюева, это – *крапива полуслов, бурьян междометий*, они *бумажные размножили погосты / И вывели ежсей, улиток, саранчу!*. Поэт не называет поименно этих представителей лжелитературы, поскольку их очень много («*имя им – легион*»), они безлики, агрессивны и у них власть. Зато самым близким ему современным поэтам – А. А. Ахматовой, С. А. Есенину, П. Н. Васильеву и С. А. Клычкову – он посвящает прекрасные поэтические строки, написанные с любовью.

Вот отрывок из этого стихотворения, посвященный А. Ахматовой:

*Ахматова – жасминный куст,
Обожженный асфальтом серым,
Тропу утратила ль к пещерам,
Где Данте шел, и воздух густ,
И нимфа лен прядет хрустальный!
Средь русских женщин Анной дальней
Она как облачко сквозит
Вечерней проседью ракут!*

Этот поэтический этюд имеет очень сложную смысловую композицию, так как в него включены реминисценции из различных произведений Ахматовой и посвященного ей стихотворения Н. С. Гумилева. Клюев выбрал самое важное для него в ее творчестве и жизни. Во-первых, используется мифологема из стихотворения Ахматовой «Лотова жена» («*асфальт серый*»), то есть горящая сера, которую Бог наказал за грехи древние города Содом и Гоморру). Следует отметить, что, по мнению Б. Л. Пастернака, это стихотворение Ахматовой создает неточное представление о ее музе. Для него она, прежде всего, певец Петербурга и белых ночей. В его стихотворении «*Анне Ахматовой*» читаем: «*Я слышу мокрых кровель говорок, / Торцовых плит заглохшие эклоги. / Какой-то город, явный с первых строк, / Растет и отдается в каждом слоге...*», и далее: «*Бывает глаз по-разному остер, / По-разному бывает образ точен. Но самой страшной крепости раствор – / Ночная даль под взглядом белой ночи. / Таким я вижу облик ваш и взгляд. / Он мне внушен не тем столбом из соли, / Которым вы пять лет тому назад / Испуг оглядки к рифме прикололи...*». При сравнении этих двух различных поэтических образов Ахматовой видно, что Пастернак обращает внимание на внешние обстоятельства жизни поэтессы и на одну из тем ее стихотворений, а Клюев сразу говорит о ее трагической судьбе. В стихотворении А. Блока «*Анне Ахматовой*», в котором используются мотивы Кармен, представлен субъективный образ поэтессы: «*Красота страшна*» – *Вам скажут, / Вы накинете лениво / Шаль испанскую на плечи, / Красный розан – в волосах*. В «Воспоминаниях об А. Блоке» А. Ахматова пишет: «*У меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но в то время Блок бредил Кармен и испанизировал меня. Я и красной розы, разумеется, никогда в волосах не носила. ...*» [3, с. 167].

Далее, в стихотворении Клюева появляется поэтический образ поэта-изгнанника Данте, который характерен для творчества Ахматовой, как и для многих поэтов «серебряного века». Он выражает мотив избранничества и одиночества поэта в мире людей, например, в ее стихотворении «Муза»:

*Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» – Отвечает: «Я».*

Последние 3 строки клюевского этюда об Ахматовой («Средь русских женщин Анной дальней / Она как облачко сквозит / Вечерней проседью ракет!») перекликаются с образом поэтессы в стихотворении Н.С. Гумилева «Она»: «... Ее душа открыта жадно / Лишь мерной музыке стиха, / Пред жизнью дольней и отрадной / Высокомерна и глуха. / Невслышный и неторопливый, / Так странно плавен шаг ее...». У Ахматовой есть отклик на это стихотворение: «Сказал, что у меня соперниц нет. / Я для него не женщина земная. / А солнца зимнего утешный свет / и песня дикая родного края...» [20, с.24-25].

О меткости характеристик Ахматовой Клюевым говорят многие факты ее творчества. Так, она избрала эпиграфом ко второй части «Поэмы без героя» («Решка») строки о ней из стихотворения «Клеветникам искусства». Правда, она заменила последнее слово в соответствии с темой своей поэмы: «Где Данте шел и воздух пуст» [18, с. 152].

В поэме «Кремль», описывая горестную судьбу русских поэтов, Клюев цитирует строчку из стихотворения Ахматовой 1913 года «Ты знаешь, я томлюсь в неволе ...» [15, с. 289]: «... Клычков! Пытливым пешеходом / Он мерит тракт и у столба, / Где побирушкою судьба / Уселась с ложкою над тюрей, / Поет одетые в лазури / Тверские скудные поля!»

Подводя итог, обратимся к словам самой поэтессы, которая, вспоминая клюевские поэтические строки о ней, произнесла: «Лучшее, что сказано о моих стихах» [4, с. 518].

2. Клюев о новокрестьянских поэтах

С. А. Клычков

Мишель Никё, рассмотрев существенные различия в религиозном сознании Н. А. Клюева и С. А. Клычкова, пришёл к выводу: «Клычков – жертва темного века, Клюев – тоже его жертва, но и пророк Невечернего Света» [17, с. 85]. Клычков «был поражен метафизическим, извечным, непреодолимым существованием зла» – пишет исследователь его творчества [17, с. 85]. Это мнение о поэте очень близко той поэтической оценке, которую дал Клюев своему другу поэту-современнику в стихотворении «Клеветникам искусства»:

*И от тверских дубленых пахот,
С анютяником лесным под мышкой,
Клычков размыкал ли излишки
Своих стихов – еловых почек,
И выплакал ли зори-очи
До мертвых костяных прорех
На грой вороний – черный смех?!*

Вместе с тем, Клюев высоко ценил произведения этого поэта. В письмах к А. В. Ширяевцу стихи Клычкова он называет «хрустальными песнями» [11, с. 219], «свежими, как Апрельский Лес» [11, с. 221]. В 1926 году он пишет о новом романе С. А. Клычкова «Чертухинский балакирь»: «Я так взволнован сегодня, что и сказать нельзя, получил я книгу, написанную от великого страдания, от великой скорби за русскую красоту. <...> Надо в ноги поклониться С. Клычкову за желанное рождество слова и плача великого. В книге «Балакирь» вся чарь и сладость Лескова, и чего Лесков недосказал и не высказал, что только в совестливые минуты чуялось Мельникову-Печерскому от купальского кореня, от Дионисиевской вапы, от меча-кладенца, что под главой Ивана-богатыря – все в «Балакире» сказалось, ажно терпкий пот прошибает. И радостно и жалостно смертельно» [11, с. 73].

В поэме «Кремль» (1934 г.) он создает образ Клычкова как поэта-певца родной тверской земли: «Домашний, с ароматом печи, / Когда на растегай малинный / Летит в оконце рой пчелиный, / И крылья опалает медом, – / Клычков! Пытливый пешеходом / Он мерит тракт и у столба, / Где побиружко судьба / Уселась с ложкою над тюрей, / Поет одетые в лазури / Тверские скудные поля!» [16, с. 214].

П. Н. Васильев

Трагичной была судьба молодого талантливого поэта Павла Васильева, погибшего в застенках в 26 лет. Он обвинялся в «кулацкой» идеологии и «клюевщине». Взаимоотношения Клюева и Васильева складывались поразному. Нередко Клюев возмущался буйным поведением молодого поэта. Так, в письме к А.Н. Яр-Кравченко читаем: *«торцовый мостовой жиган, но вобщем дурак негодяй Васильев»* (11 мая 1933 г.) [11, с.292]. Из ссылки в письме к В. Н. Горбачевой (25.12.1935) он пишет: *«Жалко сердечно Павла Васильева, хоть и виноват он передо мною черной виной»* [11, с. 371]. Из письма В. Н. Горбачевой (22.12.1936): *«Что Литгазеты назвали его бездарным – это ничего не доказывает. Поэт такой яркости, обладатель чудесных арсеналов с кладенцами. <...> Мне бы очень хотелось прочесть «бездарные» стихи Павла. Хотя он и много потрудился, чтобы я умолк навсегда. Передайте ему, что я написал четыре поэмы. В одной из них воспет и он, не как негодяй, Иуда и убийца, а как хризопраз самоцветный!»* [11, с. 385-386]. Действительно, в стихотворении «Клеветникам искусства» Клюев с любовью лепит образ Павла Васильева на основе целой цепочки аллюзий на его поэтические мотивы и образы: это степь, полынь, казаки, Иртыш, омуль, щука, ерш, осетр.

Полыни сноп, степное юдо,
Полуказак, нолукентавр,
В чьей песне бранный гром литавр,
Багдадский шелк и перлы грудой,
Васильев – омуль с Иртыша,
Он выбрал щуку и ерша
Себе в друзья – на песню право,
Чтоб цвезть в поэзии купавой, –
Не с вами правнук Ермака!
На стук степного батожка,
На ржанье сосунка кентавра
Я осетром разинул жабры,
Чтоб гость в моей подводной келье
Испил раскольничьего зелья,
В легенде став единорогом,
И но родным полынным логам,
Жил гривы заревом, отгулами копыт –
Так нагадал осётр и вспенил перлы кит!

Клюев сравнивает Васильева с *кентавром*, так же, как себя называл «*потомком бога Китовраса*», у Есенина он также находил сходство с *Китоврасом: Белый цвет Серёжа, / С Китоврасом схожий*. Мифологический образ Кентавра или славянского Китовраса – это символ неукротимой стихии и свободы. Однако поэтическое содержание, которое сформировалось у имени *Китоврас* в контексте всего творчества Клюева несколько иное: это символ сказочной крестьянской Руси, Китежа, и её певцов – Есенина, Клычкова, Васильева [19].

В стихотворении «Я человек, рожденный не в боях ...» (1933 г.), посвященном П. Васильеву, говорится о защите крестьянской культуры и ее певцов от враждебных ей критиков. В своей последней поэме «Кремль» Клюев начинает описание современного ему «Сада Поэтов» с Павла Васильева:

*Васильев – перекати-море
И по колено и по холку,
В чьей песне по Тибета шелку
Аукает игла казачки,
Иртыш по Дону правит плачки,
И капает вишневым соком
Лихая сабля, ненароком*

Окунута в живую печень. И в этот раз Клюев своим дружественным поэтическим взором путешествует по страницам произведений Васильева.

3. Клюев о поэтах новой советской формации

В. В. Маяковский

Два талантливых поэта, Клюев и Маяковский, были совершенно не совместимы друг с другом ни в жизни, ни в поэтическом пространстве. Их современники вспоминают о взаимных оскорбительных характеристиках, которые они давали друг друга. Маяковский относил Клюева к «*мужиковствующих своре*» (см. ст-ние «Юбилейное»), а Клюев называл его «*крикуном-богоборцем*» [12, с. 109, 120, 350].

В 1919 году Клюев написал два стихотворения, в которых противопоставляет революционной поэзии Маяковского свое понимание произошедшей революции, ее назначение. Ниже приводится одно из них, в котором встречаются реминисценции из произведений Маяковского:

*Маяковскому грезится гудок над Зимним,
А мне – журавлиный перелет и кот на лежанке.
Брат мой несчастный, будь гостеприимным:
За окном лесные сумерки, свиные зарянки!
Тебе ненавистна моя рубаха,
Распутинские сапоги с набором, –
В них жаворонки и грусть монаха
О белых птицах над морским простором.
В каблуке в моем – терем Кащеев,
Соловей-разбойник поныне, –
Проедет ли Маркони, Менделеев,
Всяк оставит свой мозг на тыне.
Всякий станет песней в ночевке,
Под свист костра, над излучиной сивой;
Заблудиться в моей поддевке
«Изобразительным искусствам» не диво.
В ней двенадцать швов, как в году високосном,
Солноповороты, голубые пролетья,
На опушке по сафьяновым соснам
Прыгают дятлы и белки – столетья.
Иглокожим, головоногим претят смоль и черника,
Тетеревиные токи в дремучих строчках.
Свете тихий от народного лика
Опочил на моих запястьях и точках.
Простой, как мычание, и облаком в штанах казинетовых
Не станет Россия – так вещает Изба.
От мереж осетровых и кетовых
Всплески рифм и стихов ворожба.
Песнотворцу ль радеть о кранах подъемных,
Прикармливать воронов – стоны молота?
Только в думах поддонных, в сердечных домнах
Выплавится жизни багряное золото.*

В поэме «Кремль» (1934), уже после гибели Маяковского, Клюев опять вступает в диалог с ним. В этот раз он как бы оправдывается перед ним за свой народный язык: «Опять славянское слово! / Ну что же делать беззаконцу, / Когда карельскому Олонцу / Шлет Кострома «досель» да «инде» / И убежать от пестрых индий / И Маяковскому не в пору?!» (16, с. 209)

А. И. Безыменский

Этот современник Клюева – автор комсомольского гимна «Молодая гвардия», близкий сотрудник Л. Троцкого, а затем «обличитель троцкизма», тем не менее, до конца жизни проводивший его антирусскую линию в литературе и своими критическими статьями-доносами пытавшийся погубить многих талантливых поэтов и писателей. Травлю Клюева он начал в 1927 году со статьи «Русское дело», написанной по поводу новой клюевской поэмы «Деревня» и напечатанной в «Красной газете» [11, с. 637]. В. Маяковский с презрением относился к этому «комсомольскому поэту» и в стихотворении «Юбилейное» написал: *«Ну, а что вот Безыменский?! Так ... ничего... морковный кофе».*

Клюев запечатлел образ литературного иуды в своей поэме «Кремль», не грубя при этом, как Маяковский, а используя мотивы и образы самого «поэта-критика» для скрытой насмешки над ним:

*Чу! Безыменский – ярый граб,
Что в поединке не ослаб
С косматым зубром-листоде́ром! –
Дымится сук, и красным хором
На нем уселися фазаны,
Чтобы гореть и клетком рьяным
Глушить дроздов, их скрип обозный;
Меж тем в дупле петух колхозный,
Склевав амбар пшеничной нови,
Как сторож трубит в рог коровий,
Что молод мир, и буйны яри,
Что Волховстрой румянец карий
Не зажелтит и во сто лет!
Мое перо прости, поэт, -
Оно совиное и рябо;
Виденьем петуха и граба
Я не по чину разузoren!*

В более раннем стихотворении 1933 года «Я человек, рожденный не в боях...» Клюев дает мужественный поэтический ответ Безыменскому и другим критикам, враждебным русской культуре:

<...>

*Кольцо Светланы точит время,
Но есть ребячий городок
Из туха, пряжи и созвучий,
Куда не входит зверь рыкучий
Пожрать волшебный колобок,
И кто в громах рожден, как тучи,
Тем не уловится текущий,
Как сон, запечный ручеек!
Я тил из лютни жемчужовой
Пригоршней, сапожком бухарским,
И вот судьбою пролетарским
Казним за нежность, тайну, слово,
За морок горенки в глазах,—
Орланом — иволга в кустах.
Не сдамся!*

Литература

1. Азадовский К. М. «Меня назвал «китежанкой»: Анна Ахматова и Николай Клюев // Литературное обозрение. – М., 1989. – № 5. – С. 66-70.
2. Азадовский К. М. Стихия и культура. // Клюев Николай. Письма к Александру Блоку 1907-1915. – М., 2003.
3. Ахматова А. А. Собрание сочинений: В 2 т. – М., 1996.
4. Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы. – Л., 1979.
5. Библия. Книга Священного писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. Четвертое издание. Брюссель, 1989.
6. Блок А. А. Собрание сочинений. Том пятый. – М.-Л., 1962.
7. Воспоминания об Анне Ахматовой: Сборник. – М., 1991. – С. 404-419.
8. Гарнин В.П. Примечания // Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. – СПб., 1999. С. 817-987.
9. Киселева Л. А. «Греховным миром не разгадан... (Николай Клюев) // Николай Клюев. Воспоминания современников. – М., 2010. С. 3-53.
10. Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисловие Н.Н. Скатова, вступ. статья А.И. Михайлова; составление, подготовка текста и примечания В.П. Гарнина. – СПб., 1999.
11. Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. статья А.И. Михайлова; составление, подготовка текста и примечания В.П. Гарнина. – СПб., 2003.
12. Клюев Н. Воспоминания современников. / [сост. П.Е. Поберезкина] отв. ред. С.И. Субботин. – М., 2010.
13. Кудряшов И. «О кто поймет, услышит псалмов высокий лад?»: мотивы и образы песен царя Давида в поэзии Н.А. Клюева // www.academia.edu/6672608/Клюевослов. URL:<http://www.kluev.org.ua/collegium/kudrjashov/php>.

14. *Мехи Э. Б.* Коллизия «море – пловец – берег» в лирике Николая Клюева (языковский контекст) // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С. 153-166.
15. *Михайлов А. И.* Примечания // Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре. Кравченко Т., Михайлов А. – М., 2006. – С. 227-291.
16. *Наследие комет.* Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре. Кравченко Т., Михайлов А. – М., 2006.
17. *Никё М.* Теодицея у Н. Клюева и С. Клычкова // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С. 81- 86.
18. *Поберезкина П.* Клюевское слово в творчестве Анны Ахматовой // Ритуально-міфологічний підхід до інтерпретації тексту. Збірник наукових праць. – Київ, 1998. – С. 140-156.
19. *Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г.* На золотом пороге немеркнущих времен: Поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева. – Вологда, 2006.
20. *Яцкевич Л. Г.* Структура поэтического текста. – Вологда, 1999.